

© И. В. ШАЛИНА

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
г. Екатеринбург

Коммуникативно-речевое взаимодействие незнакомых горожан¹

В статье рассматривается коммуникативно-речевое взаимодействие незнакомых горожан. Тексты-разговоры собраны автором методом включенного наблюдения. Анализ гармонического и дисгармонического диалогического общения позволяет выявить речевые и ментальные стереотипы, ценности и константы просторечной культуры как типа речевой культуры.

Ключевые слова: просторечная культура; лингвокультурологический типаж; речементальный стереотип; ценности просторечной культуры; гармоническое диалогическое общение; дисгармоническое диалогическое общение.

I. SHALINA

Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Ekaterinburg

Communicative verbal interaction of the unknown citizens

The paper reveals the problem of communicative verbal interaction between unknown citizens. While analyzing the material, the author uses texts-conversations recorded by inside observation method. Dialogic harmonic / disharmonic interaction demonstrates mental and conversation stereotypes, values and constant characteristics of urban popular language as a specific type of culture of speech.

Keywords: popular language; linguoculturological type; mental and conversation stereotype; values of urban popular language; harmonic / disharmonic dialogic interaction.

Тексты-разговоры незнакомых людей, записанные там, где бьется и кипит «повседневная жизнь»: в магазине, общественном транспорте, в электричке, бане, больнице, на стихийных мини-

¹Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Министерства образования и науки РФ (соглашение № 14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

рынках — представляют неподдельный интерес не только для ученого-лингвиста, изучающего особенности коммуникативно-речевого взаимодействия горожан, но и для любого носителя национального самосознания, входящего в социокультурную общность. В таких текстах-разговорах опредмечиваются разные способности носителя той или иной культуры, в частности умения и навыки общения, и распредмечиваются образцы общения. В этом смысле культуру можно рассматривать как определенную «технологию человеческой деятельности» [Прохоров, 1997, с. 11], а тексты-разговоры как источник социокультурного знания о соответствующих технологиях.

Общение незнакомых горожан образует **временный микроколлектив**, т. е. такую общность, в которой связи и отношения между людьми имеют ситуативный характер и темпоральную ограниченность. В таком микроколлективе ярко проявляется «опозиция **комфорт / дискомфорт речевого общения**», которая в лингвистическом плане предопределяется согласованностью / рассогласованностью в процессе выработки общего речемыслительного и эмоционального кода». В этой согласованности или рассогласованности РО культурный модус становится важным фактором. Личность как бы «расслаивается» на «ролевую оболочку и глубинное основание, культурную основу личности, которая обнаруживается в способе «проигрывания» ролей и в речевом общении» [Баранов, 1992, с. 72].

Социальную жизнь города и его речевой быт характеризуют 2 взаимосвязанные и одновременно противонаправленные тенденции: к дифференциации и интеграции [Китайгородская и др., 2010]. Первая проявляется как в социальной неоднородности горожан (коренные жители / приезжие / мигранты; русские / инородцы), так и в неоднородности языковой: носители разных ти-

пов речевых культур (литературной, просторечной, жаргонизирующей). Наше исследование строится на материале общения носителей уральского городского просторечия, особенности которого выявляются как во внутрикультурных контактах, так и во взаимодействии с другими лингвокультурами¹.

Обратимся к показательному фрагменту разговора двух незнакомых людей, записанного в электропоезде «Свердловск—Тюмень—Войновка». Попутчики — пожилые люди: **М.** — горожанин (рабочий, проработал на ж/д 40 лет) и **Ж.** — сельская учительница, которая, как выясняется, ездила в Екатеринбург навестить детей. Иницирует разговор мужчина:

М. *Вы далёко* едете / извините?*

Ж. *Домой еду //*

М. *Вы не думайте / я не пристаю / за разговором ведь быстрее время ле'тит* //* *Мне в Талице сходить* //* *Пять часов как-никак //*

Ж. *Да ну / перестаньте //* *Я тоже до Талицы //*

М. (обрадованно) *Да-а? Вы в Талице живете?*

Ж. *Нет / я из Бутки //* *В Талице на автобус пересеяду / если не встретят //*

Мы видим, что попутчики имеют представление о статусных правилах поведения, осознают необходимость наладить и поддержать контакт в дальней дороге (*пять часов как-никак*). Вообще русское просторечие относят к контактным культурам. **М.** демонстрирует общекультурные стереотипы вежливого поведения: доброжелательность, уважение к культурным традициям (используется код «Вы-общение», этикетные формулы извинения (*Вы извините*), утешения и комплиментарности. Вторгаясь в чужое личное пространство, оправдывает свою «навязчи-

¹Маркеры просторечия отмечены в диалогах знаком *.

вость» (Вы не думайте / я не пристаю / за разговором ведь быстрее время летит //).

Когда разговор заходит о Ельцине, он использует способы смягчения возражения, отрицательной оценки, нейтрализующие коммуникативное напряжение (Дак это не токо у вас / согласитесь // Ну чё уж Вы / крестьяне за царя не в ответе //); задает вопросы, проявляя заинтересованность и эмоционально реагируя; исходит из презумпции доверия к человеку, который является земляком Ельцина и не понаслышке осведомлен о фактах его биографии и социально-политической деятельности, не получивших публичную огласку:

М. Это чё ж / родина *царя Бориса*?

Ж. Да / этим и славимся по всему миру / дурной славой //

М. Почему дурной?

Ж. При нем у нас шабашники* корпусов новых для скота настроили / оборудование хорошее завезли / асфальт везде положили* // Люди строились / совхоз миллионером стал // А потом / када он *в цари подался* / как Вы говорите / ушел и забыл про нас / всё развалива[ть'ся]* начало // *Молодежь кто где / уехали* //

М. Дак* это не токо* у вас / согласитесь //

Ж. Конечно // *Наворотил делов* / землячок // Нет / ему / правда / надо отдать должное / он всегда в принципе помогал //

М. А-а! Как Отчизне не помочь?!

М. А это правда / что Борик для вашей школы компьютеры закупил?

Ж. Правда / токо* ребяташек-то у нас с каждым годом все меньше и меньше / скоро совсем некого учить будет // Спивается народ потихоньку / да и те что есть / всё слабее и слабее //

Установки на кооперативность, неформальность и доверительность общения разделяются обоими коммуникантами. Сближению способствуют кооперативные призывы, фатическая функция которых очевидна. Речевые поддержки коммуникантов демонстрируют зону «согласия». Такой поведенческий стереотип маркирует типаж *благодушного*.

М. Слушайте / а давайте орешки купим! Девушка / за пийсят дайте // [Покупает орехи] *Угощайтесь! <...>*

Обращает на себя внимание этически значимая установка позволительности обсуждения жизни человека и осуждения общностью неблагоприятных поступков лица, невзирая на статус. Культуроспецифическими стереотипными номинациями можно считать уменьшительные формы от имен публичных людей, формирующие уничижительную и фамильярную окраску (*Борик, Наиська* — Борис и Наина Ельцины).

Ж. Родительский-то дом отстроил // *Мать все понять не могла / зачем //* *Людей стыдилась / а сказать не решалась //* *Наиська* / грит* / ругаться будет //* *Она ить* грят* по молодости* здорово матерливая* была / да и выпить не любила совсем //*

Открытость коммуникативных контактов с незнакомым человеком, экстравертированность интерпретативно-оценочной деятельности по осмыслению жизненных впечатлений являются одной из ярких особенностей речевого поведения человека из народа.

М. А Вы учительница?

Ж. Тридцать лет уж в школе / начальные классы у меня // *Выпускать вот нынче буду //*

М. А муж?

Ж. Муж умер год назад //

М. *А чё *с им?*

Ж. *Дак* махом скрутило* / рак // Бригадиром всю жись* в совхозе проработал / молодой еще был //*

М. *Судьба! Вы извините / что я спросил //*

Ж. *Да ничё* / я не жалуясь// Мы с ним 25 лет про'жили* / детей нам Бог дал / ро'стили* вместе / а уж доживать (Пауза) какая разница //*

М. *Да где уж Вам доживать / рано пока // (Смеются) Одной-то все равно тяжело!*

В диалогическом взаимодействии проявляются «своеобразная человеко-другоцентричность» [Уфимцева, 1998, с. 158], отсутствие условностей, склонность «выворачивать душу, ввергаться в чужую жизнь и ввергать в свою жизнь». Представляется, что это константы русского языкового сознания и народной русской культуры. «Другоцентрическое» сознание, видящее в Другом хорошего человека, искренность, согласие впустить незнакомого человека в свое личное пространство, презумпция коммуникативного равноправия обуславливают допустимость вопросов и ответов личностного характера: *А муж? А чё с им? → А я не одна! У меня дети / внуки / работа / соседки //* Очевидно, что зона этически допустимого в просторечном общении шире, чем в общении носителей литературной культуры.

Принадлежность коммуникантов к разным культурным пространствам выявляет тема отношения к городу. Разговор становится «сомнительным» [термин М. В. Ломоносова].

М. *Как вы город не любите //*

Ж. *Не люблю / а чё* в нем хорошего?*

М. *Ну не скажите / в городе тоже свои плюсы есть //*

Ж. *Да какие тут плюсы?*

Ж. – носительница деревенской культуры и одновременно носительница культуры литературной. Она не только сохранила верность деревне, своим землякам, но и выступает как антагонист городской жизни. Оппозиция *город — деревня* задается аксиологически: *В деревне лучше, чем в городе ↔ в городе тоже свои плюсы*. Обнажается цепочка нравственно-эмоциональных концептов в их внутренних (содержательных) и внешних проявлениях, которые выражают ценностные ориентации коммуникантов.

Ж. *В деревне люди улыбаются друг другу / а здесь чё*? Разорвать готовы / не дай Бог на ногу наступишь / или заденешь / или посмотришь не так //*

М. *Прям так уж разорвать [улыбается] //*

Ж. *Дети живут в общежитии / дома дом целый/ приезжай / живи не хочу / все свое / не хотят //*

М. *Оне ить молодые /*оно конечно им в городе лучше* //*

Ж. *Да чем лучше / Вы чё*? Они у меня на воле выросли //*
Чё их сюда тянет / не пойму //* *Тюрьма здесь / а не жись* //*
Злые все как собаки / толкаются / чахнут тут как звери в зоопарке //

Деревня – это свой круг, воля, простор, общение, жизненная устойчивость, физическое здоровье (*Дома целый дом //* <...> *на воле выросли; <...> все свое //* *В деревне люди улыбаются друг другу //* <...> *всегда кто-нить рядом есь / и поговорить / и поплакать / и помочь / если надо //* *работа; соседки*). Город – это ограниченное пространство, тюрьма, зоопарк, злоба, звери, «чужой круг», болезни, формализация человеческих связей и отношений (*живут в общежитии //* *Тюрьма здесь / а не жись //* *Злые все как собаки / толкаются / чахнут тут как звери в зоопарке //* *Разорвать готовы / не дай Бог на ногу наступишь / или заденешь / или посмотришь не так //* <...>

каких токо болячек на ней [внучке] нет; <...> в городе вы одиночества боитесь //).

Город уродует тело и душу человека. «Монструозный» образ города создается за счет метафоризации городского пространства (*тюрьма здесь, а не жись; зоопарк*), которая поддерживается параллельной метафоризацией образов горожан (*чахнут как звери; разорвать готовы; злые как собаки*). Тропеическая образность усиливает аксиологическую поляризацию локусов. *Город* и *деревня* связываются с ценностными объектами *добро* и *зло* отношениями включения: *город* символизирует *зло*; *деревня* — *добро*. Такосономические имена трансформируются в морально-этические: *деревенские* → *добрые*; *городские* → *злые*. Деревенский уклад жизни включает прочные семейные связи, обустроенный дом, физическое и душевное здоровье, социальную связь «личностного типа» (*всегда кто-нить рядом есь* / и поговорить / и поплакать и помочь если надо*). Городской уклад жизни характеризуется распадом семейной общности, ограниченностью городского пространства и отсутствием уюта, агрессией горожан, уродством человеческих взаимоотношений, базизирующихся на анонимных социальных связях, разобщенностью. Идентифицирующую функцию выполняют вербализаторы внешнего вида, эмоционально-психического и физического состояния горожан и деревенских.

М. Так оно конечно // Я всю жись в городе // Мне шийсят два / а развалина развалиной / все по санаториям и лечебницам // Я деда своего все споминаю* / он родил четырнадцать человек / всех вырастил / людьми сделал / почти половину в войну потерял / много пережил / а в восимися[восемьдесят] лет *крепенький еще дедок* был // Скотины полный двор / огороди-*

ще / баню перестраивал помню / *я пацаном помогал ему* / да
еще тянул нас всех как мог //*

Ж. *Старые-то люди крепче нашего брата //*

Примечательно, что в разговорах простых людей переплетаются обыденно-житейское и вселенское. Многие ученые, писатели, поэты пишут о разрушительной силе города. Так, пушкинский Алеко рисует психологический портрет раба – усредненного горожанина:

*Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.*

Сказанное выше не вступает, однако, в противоречие с другой коммуникативной чертой простого человека – подозрительным отношением к чужаку: он непонятен, несет в себе потенциальную угрозу, с ним необходимо быть осторожным. Приведем фрагменты разговоров, записанных в общественном транспорте:

1. Пассажир разговаривает с нерусским водителем автобуса, который долго отсчитывает сдачу:

П. *Шевелись давай // Какими деньгами сдаешь? За вами / хитрожопыми / глаз да глаз нужен //*

В. *Какими мне люди дают / такими и я Вам даю//*

П. *Знаю я вас // А вот щас проверю ты // Мне далеко ехать //* (Пересчитывает деньги)

2. Водитель автобуса громко разговаривает со своим помощником на своем языке. Женщина средних лет подзывает кондуктора-таджичку:

П. Подойди, пожалуйста, сюда / скажи своим / чтоб они замолчали или говорили по-русски // Всю дорогу еду и слушаю вашу каля-маля // Кто вас знает / может вы про нас говорите //

Стереотипна тематика разговоров пожилых людей, образующих временный микроколлектив: предметом «прекословных» и «согласных» разговоров [термины М. В. Ломоносова] становится общественно-политическая ситуация в стране, деятельность публичных лиц, а также включенная в социальный контекст собственная жизнь. Люди, живущие за чертой бедности, обиженные равнодушием властей, находятся в ситуации фрустрации, вызванной столкновением (советских и постсоветских) ценностей, часто демонстрируют агрессивное речевое поведение. Например, столкновение ментальных стереотипов: *Раньше жили лучше / Раньше жили хуже* — делает ситуацию конфликтогенной, провоцирует перебранку, ссору:

Из разговора в больнице в ожидании вызова врача:

Вот седня в очереди стояла на улице / и вот там одни старухи стоят / одни бабки* / за этой / мукой приехали [речь идет о продаже продуктов "с машин, без наценок"] / и я с ними* [Смеется] И начали там / вот одна / «Оне* там все отъелись / их там поубивать надо» / да другая / «*Да чё / мы плохо живем? Вы вспомните / чё* мы раньше ели / и траву ели» // А тут все как налетели на нее / «Мы с Вами не разговариваем» // Она / «Да я просто так сказала» // [Сидящие у кабинета смеются] //*

Типаж **конфликтера**, догматично отстаивающего расхожие, обывательские стереотипы, — один из распространенных

в просторечной культуре. Такой может быть женщина, характеризующаяся крикливой манерой речи, употребляющая клише-обобщения, в котором часто укрупняется, гиперболизируется один факт; одно событие предстает в качестве ряда однородных.

Ср.: [о чиновниках] *Они там все отъелись / их там поубивать надо // Кругом одни евреи // Разграбили страну / довели до нищеты / Понаехали тут//*

Выявляемый в разговорах стереотип *коммуникативной компенсации* основывается на ожидании отклика незнакомого человека, прогнозировании унисонности эмоционально-оценочных реакций. Отказ от контакта может гасить коммуникативное напряжение: *«Женщина / а Вы у нас спросили / нам интересно это слушать или нет // Нам неинтересно / замолчите»! Она раз / и сразу замолчала //*

В просторечной лингвокультуре снимаются запреты на многие, в частности связанные с приватной сферой, а потому табуированные темы (болезни, смерть, секс, частная жизнь близких, публичных, незнакомых людей и т. п.). Недостаточно впитавший в себя церемониальный этикет, человек считает нормальным, например, беззастенчиво разглядывать незнакомое, рассказывать малознакомым людям о своих мыслях, фактах личной жизни, интимизируя общение, откровенно говорить о собственных эмоциональных переживаниях, прямо выражать свое отношение к происходящему. Прямооценочность — одна из ярких характеристик просторечной коммуникации. Например:

1. **А.** (пожилая женщина) долго, в упор разглядывает в бане **Б.** (незнакомую женщину приблизительно 45-ти лет), которая одевается рядом.

А. *Ты* по национальности цыганка?*

Б. Да //

А. А у вас квартиры-то есь* или вы кочуете?

Б. Конечно есть //

А. А вот меня-то дома не было // Мой-то* [о муже] один был дома // Позвонила цыганка с ребеночком // *в туалет попросила* // А он ить* у меня такой // Давай чай готовить им // А она пока пила / другая всю квартиру обшарила* //

Б. Бдительней надо быть // Иная простота хуже воровства // Всякие есть люди //

2. **А.** (женщина приблизительно 50 лет) и **Б.** (женщина приблизительно 40 лет) стоят на остановке в ожидании автобуса. **А.** пристально и долго разглядывает **Б.**, потом решается заговорить:

А. [сначала робко, потом увереннее] *Дама / у Вас шуба дорогая? Слушайте* / чё стоит?*

Б. [уклоняясь от ответа] Да нет / не очень //

А. А я свою цигейковую до'ху* токо* по праздникам / а на постоянную носку [показывает] в транспорте-то трепать / в пальтушке* зиму пробегаю // А чё* это за мех такой?

Б. Да это кролик крашеный //

А. [несколько разочарованно] Ты скажи / научились делать // Но красиво!

Подходит автобус, коммуникантки расстаются.

Гармонизирующий / дисгармонизирующий коммуникативный результат нередко детерминруется «ситуативными конфигурациями» членов временного микроколлектива, основанными на общности идентификационных факторов, ментальных и коммуникативных стереотипов, чувстве социальной солидарности, взаимной симпатии, речевых поддержках или придержках. Социоцентризм, основанный на

чувстве принадлежности к определенной общности, в том числе и временной, — константа просторечной лингвокультуры.

Литература

1. *Баранов А. В.* Человек в городе / А. В. Баранов // Духовное становление человека. Ленинград : [Б. и.], 1992. — С. 80-95.
2. *Китайгородская М. В.* Языковое существование современного горожанина : На материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва : Языки славянских культур, 2010. — 496 с. — (Studiophilologica).
3. *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. — Москва : ИКАР, 1997. — 228 с.
4. *Уфимцева Н. В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание : формирование и функционирование : сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. — Москва : РАН, Институт языкознания, 1998. — С. 135-170.